

Д.Г. Федосов

ШОТЛАНДСКИЕ БАРДЫ И “АНГЛИЙСКИЕ” ОБОЗРЕВАТЕЛИ Отклик на ответ двух коллег из Петербурга

Статья продолжает полемику автора с двумя историками из Петербурга по ключевым вопросам истории средневековой Шотландии и ее изучения. В отличие от оппонентов, автор относит возникновение шотландской медиевистики не к рубежу XIX–XX, а к XVIII веку. Он отстаивает свою точку зрения по пиктскому вопросу и считает беспочвенной попытку отказа от определения “Войны за независимость Шотландии”, народно-освободительный характер которых вполне подтверждается многочисленными и достоверными свидетельствами, в том числе знаменитой Арбротской декларацией, а также самим ходом военных действий и других событий. О независимости и суверенитете как главных целях шотландцев в сущности говорят и положения мирных договоров с Англией. В этих войнах совместно участвовали все сословия Королевства Скоттов, и основу шотландской армии всегда составляло пешее народное ополчение, а вовсе не “феодалное войско”. Наконец, в настоящей дискуссии, как и всегда, тезисы, не основанные на первоисточниках, не могут быть признаны убедительными.

Ключевые слова: история Шотландии, историография, пикты, Войны за независимость Шотландии, Арбротская декларация.

SCOTTISH BARDS AND “ENGLISH” REVIEWERS

This is a sequel to the ongoing debate with two Russian experts on Early Modern England who have recently produced a very patchy and superficial survey of medieval Scotland, which is full of errors and statements made with little or no support from primary sources. The author believes that Scottish medieval studies date back to the 18th century, not circa 1900, as is being alleged. He defends his point of view on the complicated issue of the Picts, and sees no substance at all in casting doubts on the generally accepted term “Scottish Wars of Independence”. The latter was the precise goal on the Scottish side, openly proclaimed, shared and achieved by the overwhelming majority of Scots of all ranks – the very *nostra Scottorum nacio* of the famous Arbroath manifesto and other numerous contemporary records (also described as *Communitas Regni Scotiae*). Further proof of that is provided by well-documented events of the Anglo-Scottish Wars themselves, as well as the articles of the resulting bilateral peace treaties, which fully recognise the independent and sovereign status of the Kingdom of the Scots. Moreover, the bulk of the Scottish army was always formed by free commoners fighting on foot, not by “feudal” knightly levies. Finally, in this debate, as elsewhere, any conclusions not founded on the original sources are devoid of value.

Keywords: history of Scotland, historiography, Picts, Scottish Wars of Independence, Declaration of Arbroath.

В 2014 г. вышла в свет монография С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук “Средневековая Шотландия”¹. Вскоре в журнале “Средние Века” была напечатана моя подробная и весьма критическая рецензия на нее². И вот ответ последовал³ – как гласит один старинный клановый девиз, *Sero sed serio*. Мои оппоненты⁴ начинают с того, что предъявляют мне подозрение в “личных мотивах”, причем “нескрываемых”⁵. Это предположение я сразу и безусловно отвергаю и, пользуясь случаем, письменно подтверждаю, что ничего *личного* против авторов с моей стороны не имеется. Все мои вопросы и пожелания к ним связаны исключительно с особенностями рецензированной книги, и я ручаюсь, что написал бы такой отзыв на такую работу, *кто бы ни был ее автором*.

Не более состоятельно и заявление, что моя рецензия “лишена необходимого элемента научной полемики и сводится к самодовольному подсчету опечаток и недостатков работы оппонента”⁶. Рецензия прошла обсуждение не только на редколлегии журнала “Средние Века”, но и на заседании Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института Всеобщей Истории РАН, и таких мнений, как приведенное выше, мне слышать не довелось. Неудивительно, что многочисленные и разнообразные претензии, высказанные авторам, не пришлось им по нраву, но предостаточно поводов к таковым подано самими авторами. О “самодовольстве” скажу несколько ниже.

“Подсчета” я не вел, а если бы пытался, то сбился бы со счета, поскольку количество “опечаток и недостатков” превосходит допустимые нормы для публикуемой научной работы. Смотря что, конечно, разуместь под опечатками. В обычном понимании это нечто сугубо техническое, незначительное, случайное, разовое, хотя и один знак может иной раз сильно влиять на смысл. Однако если слово пишется неверно не однажды и не дважды, а на протяжении всего текста, или систематически подается в двух или более разных транскрипциях, то это называется ошибкой, неверной передачей или искажением термина. Скажем, гэльский топоним *Ardnamurchan*⁷ авторы приводят как “Арднамурухан”, “Ардномурухан” и “Андромерхан”⁸. Здесь *опечатки* везде разные, причем все три версии

---

¹ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Средневековая Шотландия. СПб., 2014.

² Федосов Д.Г. “Stands Scotland where it did? Alas, poor country! Almost afraid to know itself”. // Средние Века (далее – СВ). 2015. Вып. 76 (3–4). С. 441–458.

³ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... // СВ. Вып. 78 (4). 2017. С. 153–176.

⁴ В своей рецензии я не использовал это определение, но, коль скоро оно появилось в ответной статье, я его принимаю.

⁵ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 153.

⁶ Там же.

⁷ Гэльск. *Aird nam Murchan*.

⁸ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Средневековая Шотландия. С. 122, 287, 288.

неточны; правильно – Арднамерхан. И таких примеров по тексту книги можно привести десятки. Впрочем, в моей рецензии было поставлено много и куда более существенных вопросов по всем затронутым периодам истории Шотландии от позднеримских времен до начала XVI века.

Попутно выясняется, что наши расхождения не ограничиваются шотландской тематикой. С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук убеждены, что “гуманитарные сферы академического знания заметно отстают от сфер естественнонаучного и точного знания. Процесс институционализации и профессионализации исторической науки инициировали реформы, начатые в Берлинском университете не ранее 30-х гг. XIX столетия” – таков “водораздел между институционализированной историей и тем, что принято называть непрофессиональным (антикварным) историописанием. Вопреки утверждениям нашего рецензента, этот процесс наблюдался не в эпоху шотландского Просвещения, а был инициирован созданием в Эдинбургском университете кафедры шотландской истории... в 1901 г.”⁹ Спору нет, Леопольд фон Ранке – выдающаяся фигура даже для своей эпохи, столь щедрой на дарования. И я бы никак не сказал, что он и немецкие гуманитарии его времени (Фихте, Гегель, Шеллинг, братья Шлегель и Гримм, Э.Т.А. Гофман и многие другие) “заметно отставали” от математика Гаусса или натуралиста фон Гумбольдта. Не думаю также, что французская историческая школа имела меньшее значение и влияние, чем немецкая: Франсуа Гизо был на восемь лет старше Ранке и уже в 1812 г. получил кафедру Новой истории в Сорбонне; Огюстен Тьерри – ровесник великого немца, а Жюль Мишле лишь на три года младше. Все эти светила взошли не на пустом месте, и мои оппоненты совершенно неоправданно умаляют роль века Просвещения вообще и в частности шотландского Просвещения в развитии нашей науки. Ранке многим обязан Гёттингенской школе и Юстусу Мёзеру¹⁰, французы – энциклопедистам и Вольтеру; как историк, Гизо дебютировал комментированным переводом известного труда Эдуарда Гиббона¹¹.

По части вклада в историческую науку есть чем гордиться и шотландскому Просвещению, и здесь опять не приходится говорить, что гуманитарная область в лице Уильяма Робертсона, Адама Смита и могучей плеяды их соратников чем-либо уступала представителям точных и естественных дисциплин, процветавших там же и тогда же.

По логике моих оппонентов, до XX века в Шотландии историков как таковых не было вообще, имелись одни любители-антиквариисты. Однако строго разделить эти две категории, особенно в переходный период, не всегда возможно¹²; к тому же в различных школах известны случаи как

---

⁹ *Они же*. О средневековой Шотландии и не только... С. 153–154.

¹⁰ *Knudsen J.B.* Justus Möser and the German Enlightenment. Cambridge, 2002.

¹¹ *Gibbon E.* (trad. F. Guizot). Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire Romain. Paris, 1812.

¹² Общество Антиквариистов Шотландии, основанное в 1780 г., существует под тем же названием доныне. Во все времена оно объединяло историков разных направлений.

весьма сильных в своей области антиквариетов, так и довольно скверных историков-профессионалов. Первая кафедра истории, включая шотландскую, была основана в Эдинбургском университете не в 1901, а еще в 1719 г. и стала старейшей на Британских островах и одной из первых в Европе; до 1765 г. ее занимал профессор Чарлз Макки (1688–1770), посредственный историограф, но прекрасный педагог.¹³ Его лекции слушали, среди прочих студентов, две будущие знаменитости, которых не принято называть антиквариетами: Дэвид Хьюм (Юм) (1711–1776) и Уильям Робертсон (1721–1793). Первый написал шеститомную “Историю Англии (Великобритании)”¹⁴ (1754–1762), от похода Юлия Цезаря до “Славной революции” 1688 г. Второму принадлежит ряд новаторских сочинений, среди которых наиболее замечательны “Истории” Шотландии, императора Карла V и Америки.¹⁵ Если Хьюм и в новом для него жанре оставался философом, не скрывал своих пристрастий и не слишком утруждал себя разбором источников, то Робертсон бережно относился к архивному материалу, давал ссылки и приложения документов и особенно старался выявить причинно-следственные связи событий; широта его интересов проявилась и в стремлении к почти всемирному охвату, включая Европу, Америку и Индию¹⁶. Труды Хьюма и Робертсона выдержали множество изданий на всех ведущих европейских языках, и оба они стали кумирами начинающих историков, в том числе Н.М. Карамзина, отмечавшего в 1790 г.: “У нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон – вот образцы!”¹⁷. Кстати, Гиббон взялся за новое для себя ремесло под воздействием двух старших шотландских собратьев,

---

¹³ *Sharp L.S.* “Charles Mackie, the First Professor of History at Edinburgh University”. *Scottish Historical Review*. Vol. XLI, No. 131, 1962. P. 23–45.

¹⁴ Первые 4 тома вышли под титулом “The History of England”, последние 2 – “The History of Great Britain”.

¹⁵ *Robertson W.* *The History of Scotland, during the Reigns of Queen Mary and of King James VI till his Accession to the Crown of England. With a review of the Scotch History previous to that Period.* 2 vols. L., 1759 (Хорас Уолпол об этой книге: “Я не знаю, где и какая история написана с более превосходными качествами [excellencies]”); *idem*, *The History of the Reign of the Emperor Charles V. With a view of the Progress of Society in Europe, from the subversion of the Roman Empire, to the beginning of the sixteenth century.* 3 vols. L., 1769 (об этом труде Вольтер писал автору: “Он заставил меня забыть все мои беды; я присоединяюсь к Европе, дабы почтить Вас”; императрица Екатерина II признавалась: “Это постоянный спутник всех моих странствий”); *idem*, *The History of America.* 2 vols. L., 1777; *idem*, *An Historical Disquisition concerning the knowledge which the Ancients had of India; and the Progress of Trade with that country.* L., 1791.

¹⁶ См., например: *Womersley D.J.* “The Historical Writings of William Robertson”. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 47, No. 3, Jul. – Sep. 1986. P. 497–506; *Carnall G.* “Historical Writing in the Later Eighteenth Century” in: *The History of Scottish Literature*. Vol. 2. 1660 – 1800. Aberdeen, 1987. P. 207–218.

¹⁷ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252. См. также авторское предисловие к главному труду “первого нашего историка” (по А.С. Пушкину): *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 17, 19.

превыше всего ценил именно их похвалы и “гордился быть третьим в триумвирате [британских] историков”¹⁸.

Писать о Шотландии, тем более в России, без упоминания другого сына шотландского Просвещения – сэра Уолтера (Вальтера) Скотта – прежде было почти немислимо, но моих оппонентов его отсутствие, по-видимому, не смущает. К сожалению, и у себя на родине он сегодня не так почитаем, как раньше. Случается, ему даже ставят в вину коммерческий успех его творений, хотя львиная доля средств ушла на покрытие долгов его разорившихся партнеров; иные утверждают, что он написал слишком много и слишком быстро.¹⁹ Тем не менее, поразительные заслуги Скотта неоспоримы, и его имя не требует оправданий. И дело не только в создании им жанра исторического романа и столь искусном его развитии, что на Шотландию обратились восхищенные взоры всего мира. Дэвид Хьюитт справедливо отмечает, что “общая черта большинства произведений Скотта – его интерес к истории... Он был предан тому, чтобы сделать... исторические сведения доступными посредством опубликованных изданий и облегчить понимание такого материала на исторической основе в своих комментариях и введениях”²⁰. Скотт начинал как фольклорист и своему первому большому труду – антологии баллад шотландского Пограничья – предпослал подробный очерк средневековой истории этого края²¹. Помимо “Жизни Наполеона”, его перу принадлежат также две истории Шотландии (одна “для взрослых”, другая для юношества), а также история Франции, до сих пор не полностью изданная.²² Кроме того, в 1823 г. Скотт стал основателем и президентом одного из первых в Британии обществ по изучению и изданию памятников старины – Бэннатайн Клуба. Благодаря Скотту и его соратникам к 1833 г. в Шотландии было уже четыре таких общества, которые в результате совместных усилий напечатали более тысячи томов рукописных источников, и многие из их изданий не превзойдены по сей день²³. К Скотту можно относиться по-разному, но его значение непреходяще: горячий поклонник шотландского барда Огюстен Тьерри считал его “величайшим мастером, когда-либо жившим, в деле исторического прорицания [divination]”; есть сведения, что и Ранке тоже нашел свой путь, читая романы Скотта, когда задался целью доказать, что научный подход может и должен

---

¹⁸ *Campbell N. & Smellie R.M.S.* The Royal Society of Edinburgh (1783–1983). The First Two Hundred Years. Edinburgh, 1983. P. 41.

¹⁹ Взгляды критиков Скотта приведены в статье: *Hewitt D.* “Walter Scott” in: *The History of Scottish Literature. Vol. 3. Nineteenth Century.* Aberdeen, 1988. P. 65–87.

²⁰ *Ibid.* P. 68.

²¹ *Scott W., Sir.* The Minstrelsy of the Scottish Border. 2 vols. Kelso, 1802.

²² *Scott W., Sir.* The Life of Napoleon Buonaparte. 1827; *idem*, The History of Scotland. 2 vols. L., 1829–1830; *idem*, Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. 3 vols. Edinburgh, L. & Dublin, 1828–1830; *idem*, Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from the History of France. Edinburgh, L. & Dublin, 1831.

²³ *Donaldson G.* “A Lang Pedigree”, *Scottish Historical Review*, LXV, 1986. P. 1–16; *Scotland: A Concise Cultural History.* Edinburgh & L., 1993. P. 20.

превзойти художественное описание событий²⁴. Князь П.А. Вяземский отозвался о Скотте как о “единственном, умеющем сливать в своих романах историю поэтическую и поэзию историческую эпопеи... Карамзин говаривал, что... поставит в саду своем благодарный памятник Вальтеру Скотту...”²⁵ Памятно и пушкинское выражение “шотландский чародей”. И Карамзин, и Скотт, и Пушкин следовали одной стезей – от литературы к истории.

Хьюм, Робертсон и Скотт – лишь самые прославленные имена в ряду ранних шотландских историографов. Патрик Фрэйзер Тайтлер (1791–1849) выпустил свою фундаментальную историю средневековой Шотландии (с 1249 по 1603 гг.) в 1828–1843 гг.²⁶ Сооснователь как Бэннатайн Клуба, так и Английского Исторического Общества, Тайтлер являлся историком уже в третьем поколении: его отец Александер, лорд Вудхусли (1747–1813), был в 1780–1802 гг. профессором всеобщей истории Эдинбургского Университета, а дед Уильям (1711–1792) опубликовал весьма умелую апологию королевы Марии Стюарт²⁷, а также обнаружил и атрибутировал “Книгу Короля” (*Kingis Quair*) Джеймса I. Невзирая на все это, мои оппоненты относят зарождение шотландской медиевистики чуть ли не к концу XIX в.²⁸, причем ведущих ученых той поры и первой половины XX в. (Джон Хилл Бертон, Питер Хьюм Броун, Эван Бэррон и др.) они также обходят вниманием, а Космо Иннес и Уильям Бернс появляются лишь в ответе на мою рецензию. Обзор новейшей историографии в книге С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук достаточно полон, но все же не может быть признан “исчерпывающим анализом” ни по составу авторов, ни по отдельным работам; последние в большинстве своем не анализируются, а лишь приводятся в сносках. Ряд важных публикаций по теме не значится ни в обзоре, ни в библиографии.²⁹

Большая часть ответа моих оппонентов представляет собой пространный очерк исторической литературы по бритто- и пиктоведению, начиная с XVII в. Они проясняют свою позицию в том смысле, что все-таки не отождествляют бриттов и пиктов, хотя в их монографии, где эти народы максимально сближены, а второй этноним и его производные с легкостью заменяются первым, дело обстоит иначе. С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук

---

²⁴ *Gauchet M.* “Augustin Thierry’s *Lettres sur l’histoire de France*” in: *Rethinking France: Les Lieux de Mémoire*. Vol. 4: *Histories and Memories*. Chicago & L., 2010. P. 273.

²⁵ *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. М., 2003. С. 584.

²⁶ *Tytler P.F.* *History of Scotland*. 9 vols. Edinburgh, 1828–1843.

²⁷ *Tytler W.* *An Inquiry, historical and critical, into the Evidence against Mary, Queen of Scots: and an Examination of the Histories of Dr. Robertson and Mr. Hume, with respect to that Evidence*. Edinburgh, 1759.

²⁸ *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А.* *Средневековая Шотландия*. С. 5.

²⁹ Например: *Alcock L.* *Kings and Warriors, Craftsmen and Priests in Northern Britain AD 550–850*. Edinburgh, 2003; *Barrow G.W.S.* *Scotland and its Neighbours in the Middle Ages*. L., 1992; *Ditchburn D.* *Scotland and Europe: The Medieval Kingdom and its Contacts with Christendom, c. 1215–1545*. Vol. I: *Religion, Culture and Commerce*. East Linton, 2001; *Macdonald A.J.* *Border Bloodshed: Scotland, England and France at War, 1369–1403*. Phantassie, East Lothian, 2000, etc. etc.

полагают, что “римская традиция... не разделяла оба эти народа”³⁰. На ранней стадии (Тацит, Кассий Дион), действительно, не разделяла. Однако не позже конца III в., когда римляне лучше узнали так и непокоренную ими северную Британию, они почему-то ввели термин *Picti* и перестали именовать все ее население бриттами. Впервые новое определение, до сих пор никем общепризнанно не истолкованное, появляется в анонимном панегирике императору Констанцию, датированном 290-ми годами н.э. и иногда приписываемом греко-римскому ритору Эвмению. К сожалению, оно редко приводится дословно: “Народ тогда еще грубый и привыкший враждовать только с пиктами и ибернами, доселе полунагими, [бритты] легко покорились римскому оружию и знаменам”³¹. Это лишь первый сохранившийся пример, и вряд ли он был изобретением автора, поскольку “новое племя” названо без каких-либо пояснений, словно уже было известно слушателям или читателям. В близкой по времени речи другого римского оратора (310 г.) говорится о “лесах и болотах каледонов и других пиктов”³². Оба свидетельства крайне важны и интересны: первое не только обособляет два народа, но и указывает на *привычные*, уже длившиеся немалое время, войны между ними. Второе подтверждает прямое родство пиктов с каледонами, чье появление в известной нам письменной традиции восходит к I в. н.э. (Тацит)³³.

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 395) в уцелевших частях своей истории трижды пишет о набегах пиктов, особенно на бриттов, между 360 и 368 гг.: “Пикты... терзали бриттов непрерывными бедствиями” и “делились на два племени, дикалидонов и вертурионов”³⁴; последние этнонимы очевидно отражены в ряде географических названий, как вышедших из употребления (*Fortriu* – имя северной области Пиктского королевства, иногда распространяемое на всю его территорию), так и ныне существующих (город *Dunkeld* – “крепость каледонов” и гора *Schiehallion* в Пертшире). С римскими походами для обуздания пиктов в те же годы связана редкая археологическая находка в прирейнской Германии – медная “башня” IV в. для игры в кости, с прорезной надписью: “Пикты побеждены, враг уничтожен, играйте спокойно”³⁵. Однако, несмотря на ряд успешных северных походов римлян, Каледония так и не стала римской провинцией, и на большей ее части никогда не ступала нога легионера.

В раннее Средневековье авторы различной этнической принадлежности продолжают ту же линию и различают пиктов и бриттов столь же, если не более, определенно. Бритты Патрик (V в.) и Гильдас (ок. 500–570) – оба,

³⁰ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 157.

³¹ “Natio etiam tunc rudis et solis [Britanni] Pictis modo et Hibernis assueta hostibus, adhuc seminudis, facile Romanis armis signisque cessit”. XII Panegyrici Latini. Lipsiae, 1874. P. 140.

³² “Caledonum, Pictorum aliorumque silvas et paludes”. Ibid. P. 165.

³³ Tacitus. Agricola. 10, 11, 25, 27, 31.

³⁴ “Picti... Britannos aerumnis vexavere continuis”; “eo tempore Picti in duas gentes divisi, Dicalydone et Verturiones”. Ammianus. Res Gestae, XX, 1; XXVI, 4; XXVII, 8.

³⁵ “Pictos victos / Hostis deleta / Lvdite secvri”. Rheinisches Landesmuseum, Бонн.

вероятно, выходцы из Стрэтклайда – не только не видели в своих соседях-пиктах сородичей или соплеменников, но, напротив, представляли их в самом враждебном свете, как народ заведомо чуждый. Святой-покровитель Ирландии в так называемом “Послании к воинам Коротика” гневно осуждает “недостойнейших и сквернейших отступников-пиктов”³⁶. Другие свидетельства на этот счет содержатся в труде Гильдаса “О гибели Британии”, в “Житии Св. Колумбы” скотта Адомнана, аббата Айонского, и в “Церковной истории” англа Беды Достопочтенного, а также в ирландских анналах. Эти свидетельства хорошо известны и часто приводятся, в том числе моими оппонентами. Таким образом, непрерывная традиция разделения и обособленного существования бриттов и пиктов прослеживается с III в. и в дальнейшем только усиливается.

Мои оппоненты находят, что некоторые новейшие монографии “коренным образом меняют современное представление о раннем периоде шотландской истории и, что самое главное, ставят под сомнение подход и выводы нашего рецензента”³⁷. Здесь нет ничего удивительного, ибо, ввиду крайней скудости, разрозненности, сложности и противоречивости дошедших до нас данных, многие составляющие пиктской проблемы, кто и когда бы их ни касался, то и дело подвергаются пересмотру или ставятся под сомнение. Нередко даже провозглашается “революционность” таких гипотез, что не всегда оправдано. Как выразился один историк, пикты, “по-видимому, пластмассовый народ, который можно отлить в любую желаемую форму”³⁸. Но ближе ли выводы моих оппонентов, чем мои, к нынешним научным воззрениям на пиктский вопрос? Дабы разуверить читателей в том, что я “ссылаюсь то на самого себя, то на уже изрядно устаревшие исследования”³⁹, обратимся к новейшим и ныне действующим авторитетам, которые являются таковыми и для моих оппонентов, в частности, к работам Джеймса Фрэйзера и Алекса Вулфа⁴⁰.

“В современной британской археологии”, – утверждают С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук, – “уже никто не считает пиктов потомками аборигенного населения Северной Шотландии”⁴¹. В этом месте они приводят выходные данные нескольких трудов, без каких-либо цитат или номеров страниц. Но если оставить в стороне средневековые мифы о пришествии пиктов из Скифии, то до сего дня ни одному ученому, к какой бы стране,

---

³⁶ “...Indignissimorum pessimorum apostatarumque Pictorum”. *Patricius. Verba Militibus Mittenda Corotici*, §§ 2, 12, 15, in: *Dumville D.N. Saint Patrick*. Woodbridge, 1999. P. 117–131.

³⁷ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 155.

³⁸ *Ferguson W. “George Buchanan and the Picts”*. *Scottish Tradition*, XVI, 1991. P. 21–22.

³⁹ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 154.

⁴⁰ *Fraser J.E. From Caledonia to Pictland. Scotland to 795*. Edinburgh, 2014; *Woolf A. From Pictland to Alba. 789–1070*. Edinburgh, 2014. В отношении последнего автора С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук продолжают следовать своему причудливому обыкновению, приводя одни и те же имена по-разному: в их монографии он назван “Вулфом”, в ответе на мою рецензию – “Уолфом”.

⁴¹ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 167.

специальности или школе он ни принадлежал, не удалось хотя бы примерно определить, откуда и когда предки пиктов прибыли в северную Британию. Еще более трудная задача – убедить в этом большинство своих коллег, не говоря уже обо всем научном мире. Преобладающую сегодня точку зрения, разделяемую автором этих строк, выражает Кэтрин Форсайт: “Пикты, подобно валлийцам, не были народом, который откуда-то пришел, но, напротив, доморожденным явлением [home-grown development]”⁴². Арчибалд Данкан полагал, что к моменту появления этнонима *Picti* в 290-е годы н.э. “сам народ обитал там в течение тысячелетия”⁴³. Такие мэтры, как Исабел и Джордж Хендерсоны, тоже признают пиктов “по большей части туземным [indigenous] народом”⁴⁴. Джеймс Фрэйзер рассматривает каледонов – древнейшие известные племена Северной Британии – как прямых предков пиктов⁴⁵. Наконец, свежий (2017 г.) официальный путеводитель по пиктским памятникам, изданный организацией Historic Environment Scotland, гласит: “Пикты не были пришельцами. Они были потомками исконных местных племен Железного века”⁴⁶. Итак, ведущие авторитеты все же считают пиктов непосредственными потомками коренных жителей Шотландии.

И в своей книге, и в статье мои оппоненты пишут о пиктах “как об этническом анклаве, существовавшем сначала в составе бриттской, а затем и гэльской культуры”⁴⁷. Но поскольку мы ведем речь о территории Шотландии в ее нынешних пределах, по линии залив Солуэй – река Туид (этот древний рубеж с Англией восходит к началу XI в.), “анклавами” выглядят скорее области туземных бриттов и пришлых гэлов-скоттов, переселявшихся из Ирландии на острова и западное побережье северной Британии с конца V в. На протяжении раннего Средневековья пикты населяли намного бóльшую, чем бритты, скотты или англ, часть будущей Шотландии, включая “большую землю” до самой линии Клайд – Форт, Оркнейские, Шетлендские и Гебридские острова. Было несколько долгих периодов, особенно начиная с правления короля Бриди мак Бели (671–693) до середины IX в., когда они обладали там политическим господством. Не случайно сами титулы первых двух томов “Новой эдинбургской истории Шотландии” – “От Каледонии до Страны Пиктов” и “От Страны Пиктов до Албы” – отражают ключевую роль, придаваемую Пиктавии их редколлегией и авторами. Как подчеркивает Дж. Фрэйзер, в его книге “пикты и их каледонские предки занимают центр сцены”; в ту эпоху Пиктское королевство заметно доминировало, так что “положение пиктов... в центре истории Шотландии предполагает их

---

⁴² Forsyth K. Language in Pictland: the case against 'non-Indo-European Pictish'. Utrecht, 1997. P. 17.

⁴³ Duncan A.A.M. Scotland: The Making of the Kingdom. 2nd edn. Edinburgh, 1978. P. 36.

⁴⁴ Henderson G., Henderson I. The Art of the Picts: Sculpture and Metalwork in Early Medieval Scotland. L., 2004. P. 9.

⁴⁵ Fraser J.E. Op. cit. P. 10, 38, 49–50.

⁴⁶ Harden J. The Picts. Including Guides to St. Vigeans Museum and Meigle Museum. Historic Scotland, 2017. P. 4.

⁴⁷ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 157.

значимость в институциональной, политической и военной истории”⁴⁸. Именно так, на первое место, поставлены пикты в моем кратком обзоре народов раннесредневековой Шотландии⁴⁹, хотя этот предмет не относился к главным задачам моей книги. Мои оппоненты, наоборот, в обширном первом разделе своей монографии рассматривают пиктов только в третью очередь, как своего рода придаток бриттов и скоттов; такую сознательную позицию, якобы основанную на новейших исследованиях, и выражает их приведенный выше тезис.

Исключительно сложным представляется лингвистический вопрос, который до сей поры так и не решен. С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук твердо “считают язык пиктов северным диалектом бриттского или в более общем виде – р-кельтского языка”⁵⁰. Для основательных мнений о пиктском необходимо хорошо владеть несколькими кельтскими языками, включая их древние формы и диалекты. Такими познаниями я, увы, не обладаю. Впрочем, я изучал шотландский гэльский и Scots и по неадекватной передаче многих антропо- и топонимов в книге моих оппонентов могу заключить, что и они не являются экспертами в данной области. Но даже первоклассные филологи-кельтоведы согласны с тем, что в настоящее время у нас слишком мало материала (единственный поздний список пиктских королей⁵¹, небольшое число кратких надписей и далеко не однозначные данные ономастики), дабы убедительно классифицировать язык пиктов. Д. Эванс предостерегает, что “обращение с именами вообще, не в последнюю очередь надежное и достоверное признание их кельтскими, в столь многих случаях крайне рискованно”⁵². Кэтрин Форсайт, сторонница “пикто-бриттской” языковой теории, признает чрезвычайные технические трудности этой проблемы, ибо мы имеем дело с мертвым языком, от которого остались лишь малые фрагменты: “Когда язык столь несовершенно засвидетельствован, как пиктский/притенский [так она называет условный “прото-пиктский” – Д.Ф.], текстуальная передача форм столь сомнительна, а имена во многих случаях приведены лишь однажды, мы не должны быть слишком поспешны в атрибуции”⁵³.

Полемика о языке пиктов – бриттский, докельтский (неиндоевропейский) или оба параллельно? – не утихает. Искушенные знатоки, в том числе поборники “пиктского бриттского”, разумно призывают к осторожности и учету всех обстоятельств: “Ни та, ни другая сторона не может быть исключена”; “пойти слишком далеко в противоположном

---

⁴⁸ *Fraser J.E.* Op. cit. P. 10, 347–348.

⁴⁹ *Федосов Д.Г.* Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. 2-е изд. СПб.–М., 2014. С. 59–66.

⁵⁰ *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А.* О средневековой Шотландии и не только... С. 157.

⁵¹ “The Scottish Chronicle”. *Scottish Historical Review*, Vol. LXXVII, 1998. P. 129–161.

⁵² *Evans D.E.* “The Identification of Continental Celtic with special reference to Hispano-Celtic”, in: *Lengua y cultura en Hispania prerromana: Actas del V Coloquio sobre lenguas y culturas de la Península Ibérica*. Salamanca, 1993. P. 568.

⁵³ *Forsyth K.* Op. cit. P. 21.

направлении и отвергнуть [докельтские имена в Шотландии – Д.Ф.]... было бы столь же неверно. Мы должны признать наличие докельтского или даже доиндоевропейского материала”⁵⁴. Согласно Дж.Т. Коху, расхождение “притенского” и бриттского “началось уже к I веку н.э., возможно, немного раньше”⁵⁵, но к началу VIII в. Беда определенно воспринимал пиктский и бриттский как разные языки⁵⁶. Гипотеза Кеннета Джексона о сосуществовании двух пиктских языков, т.е. диалекта бриттского и другого, некельтского, теперь “не так популярна, как прежде, хотя и не совсем [пребывает] без сторонников”⁵⁷. Применяя к языку пиктов термин “пиктский бриттский”, Алекс Вулф обращает внимание “как на его общее наследие с бриттским, так и на его отличительный характер”, и делает существенную оговорку: “Должна быть также признана та возможность, что трудноуловимый некельтский язык, который могут содержать несколько ранних надписанных камней и горсть топонимов Пиктавии, сохранялся в отдаленных районах”⁵⁸.

На взгляд моих оппонентов, “даже такие «экзотические» проявления пиктской культуры, как начертанные на каменных стелах надписи, потеряли дух таинственности и стали частью более пространный кельтского наследия”⁵⁹. Я был бы признателен им за более детальное обоснование этого пункта, ибо ведущие британские и другие эксперты звучат не так оптимистично. Важность пиктской эпиграфики первостепенна, поскольку это единственное, что дошло до нас из Страны Пиктов прямым путем; все прочие лингвистические данные опосредованы другими языками и рядом столетий. В нашем распоряжении 35 пиктских надписей, нанесенных огамическими знаками⁶⁰; десяток переданы латинским алфавитом, и одна – загадочным шрифтом, в котором ряд ученых видят испорченный римский курсив или минускул, другие – греческий, третьи – даже финикийский, а иные, отчаявшись, объявляют поздней подделкой⁶¹. Многие из надписей повреждены или слишком кратки, так что лишь около половины читаются более или менее четко. Но одно дело прочтение, а другое – перевод. Каковы же плоды долгих усилий по их дешифровке? Выявлено несколько знакомых по другим источникам пиктских имен, например, Нехтан, Дростан и

---

⁵⁴ Ibid. P. 9, 23.

⁵⁵ Koch J.T. “The Loss of Final Syllables and Loss of Declension in Brittonic” in: Bulletin of the Board of Celtic Studies. Vol. XXX, 1983. P. 214–217.

⁵⁶ Beda Venerabilis. Historia Ecclesiastica. I, 1.

⁵⁷ Woolf A. Op. cit. P. xiv.

⁵⁸ Ibid. P. xiv, 13.

⁵⁹ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 168.

⁶⁰ Огамическое письмо в виде линейных насечек появилось в Ирландии не позднее V в. и было воспринято пиктами.

⁶¹ Стела в Ньютоне, графство Эбердин. В гипотетической латинской транскрипции эта надпись выглядит так: ETTE | EVAGAINNIAS | CIGONOVOCANI | URAELISI | MAQQI | NOVIOGRUTA (http://www.ucl.ac.uk/archaeology/cisp/database/stone/newt_1.html). Никто пока не сумел перевести ее хотя бы частично, да и не факт, что она нанесена латиницей. Однако ее подлинность в настоящее время признана.

Итарнан, однако точный смысл этих письмен по большей части ускользает. Пока исследователям даже “не ясно, как пикты применяли [огамы] к фонемическому инвентарю своего языка”; непонятна причина частого удвоения согласных; есть большие сомнения в транслитерации дополнительных пиктских “букв”, используемых помимо первоначальных 20 огамов, причем некоторые из этих знаков уникальны. В итоге “тревожно большое число [надписей] противится объяснению”, а иные “совершенно сбивают с толку [utterly baffling]”⁶². К тому же “соотношение между шотландским гэльским и пиктским бриттским остается плохо понятным”, а “нехватка ясной информации об обоих языках, вероятно, означает, что так оно и будет”⁶³. По совсем недавнему признанию Дж. Харден, пиктские символы “во многом не поддаются нашей расшифровке... Менее 40 огамических надписей уцелели в северной Британии, и лишь малое число может быть переведено”⁶⁴. Даже самоназвание пиктов до сих пор неизвестно! Так что дух таинственности еще не развеян, и с “кельтским наследием” не все однозначно. В соответствии с вердиктом шотландского судопроизводства пока можно лишь сказать, что дело о наречии или наречиях пиктов “не доказано” (*not proven*). Обнаружение доселе неизвестных пиктских рукописей маловероятно, хотя новые открытия в области эпиграфики могут склонить чашу весов в ту или иную сторону. При всем том не будем забывать, что язык – важнейший, но не единственный признак культурного и общественного бытия народа или этнической группы.

С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук говорят о “классической британской археологии”⁶⁵, не уточняя, кого именно они причисляют к “классикам”. В то же время к собственно археологическим данным они практически не прибегают. Между тем результаты раскопок выявляют отличия пиктской материальной культуры от бриттской, начиная с римских времен. В противоположность римской Британии, в Каледонии к северу от вала Антонина отмечается почти полное отсутствие монет и других римских находок, начиная с середины III века. Это указывает на римско-пиктский антагонизм, прекращение контактов и каких-либо форм обмена⁶⁶. С эпохи поздней Античности прослеживается и особый тип погребений: по всей северной Британии встречаются вытянутые труположения в выложенных каменными плитами продолговатых камерах (*long-cist*), но только пикты насыпали над ними низкие курганы, окопанные кругом⁶⁷. Неизвестны в

---

⁶² Forsyth K. Op. cit. P. 33–36.

⁶³ Woolf A. Op. cit. P. 328, 330.

⁶⁴ Harden J. Op. cit. P. 7, 20.

⁶⁵ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 162.

⁶⁶ Macinnes L. “Baubles, bangles and beads: trade and exchange in Roman Scotland”, in: *Barbarians and Romans in North-West Europe from the Later Republic to Late Antiquity*. BAR International Series, No. 471, 1989. P. 113–114; Hunter F. *Beyond the Edge of the Empire: Caledonians, Picts and Romans*. Rosemarkie, 2007. P. 51–53.

⁶⁷ Carver M. “Conversion and politics on the eastern seaboard of Britain: some archaeological indicators”, in: *Conversion and Christianity*. St. Andrews, 1998. P. 11–40.

Стране Пиктов и надгробные камни с надписями, подобные бриттским монументам V века в Лотиане и Гэллоуэе.

“Столицей” Пиктского королевства была одна из древнейших цитаделей Северной Британии – Борохед (Burghead, графство Мóрей). Иногда ее отождествляют с “Крылатой Крепостью” (*Pinnata Castra*) Птолемея. Занимая площадь в 3 гектара, эта приморская твердыня втрое превосходила по размеру все остальные укрепленные поселения раннесредневековой Шотландии, и период ее расцвета продолжался с IV по IX в.⁶⁸ Радиоуглеродная датировка показывает, что мощные крепостные валы восходят к концу III в. и перестраивались в VI–VII вв.⁶⁹ Стены возводились в смешанной технике – из земли, камня и леса, причем бревна каркаса скреплялись большими железными стержнями; такой прием имеет аналогии в континентальной Европе, но не в Британии той эпохи⁷⁰. Местным символом служил знаменитый борохедский бык; в начале XIX в. при обустройстве гавани было найдено до 30 каменных плит с его резным изображением, шесть из которых сохранились в музейных коллекциях. Они датируются V–VII вв. и, возможно, составляли облицовочный фриз крепостных валов. Специалисты отмечают, что мастерство и натурализм этих контурных изображений не знают себе равных в искусстве Европы периода “Темных Веков”⁷¹.

Одним из крупнейших археологических проектов в Шотландии стали раскопки пиктского монастыря Портмахомак на полуострове Тарбат в области Истер Росс, под руководством Мартина Карвера (1994–2007). Эта обитель возникла в середине VI в. и была разорена около 800 г., вероятно, при набеге викингов. Здесь обнаружены фундамент каменной церкви, остатки по меньшей мере четырех монументальных крестов и более 200 фрагментов скульптур, а также большие мастерские по производству церковной утвари и пергамента, впервые открытые не только в каком-либо из раннесредневековых поселений Шотландии, но и всех Британских Островов⁷².

Вскользь упоминая “витрифицированные” форты и своеобразные “зámки”-брохи, возведенные предками пиктов в доисторическую эпоху, мои оппоненты указывают на “общественное мнение, неизменно нуждавшееся [? – Д.Ф.] в чем-то более наглядном, чем разбросанные по «пиктской» [в кавычках! – Д.Ф.] территории каменные стелы”⁷³. Вот и все, что сказано в их

---

⁶⁸ *Fraser J.E.* Op. cit. P. 51.

⁶⁹ *Konstan A.* Strongholds of the Picts: The Fortifications of Dark Age Scotland. Oxford, 2010. P. 21–22.

⁷⁰ *Harding D.* Iron Age Hillforts in Britain and Beyond. Oxford, 2012. P. 171–172.

⁷¹ *Driscoll S.T.* "Burghead", in: Lynch M. (ed.) The Oxford Companion to Scottish History. Oxford, 2007. P. 58.

⁷² *Carver M.* Portmahomack: Monastery of the Picts. Edinburgh, 2008.

⁷³ *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А.* О средневековой Шотландии и не только... С. 158. Регулярно бывая в Шотландии в течение 30 лет, смею утверждать, что ее общественное мнение крайне мало озабочено пиктской проблемой, не говоря о населении других стран.

статье о всемирно известных пиктских монолитах. В книге С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук самые знаменитые памятники культуры пиктов тоже упомянуты лишь однажды, причем в сноске и с текстом, взятым (без ссылки) из моей монографии. Поскольку мне посчастливилось долго жить и работать в Эбердине, я особенно хорошо знаю северо-восток Шотландии – сердце бывшей Страны Пиктов, осматривал многие памятники *in situ* и не раз посещал лучшие археологические собрания (Эдинбург, Данди, Мигл, Сент-Видженс, Сент-Эндрюс, Эберлемно и др.). Могу заверить, что ничего более *наглядного* и впечатляющего, чем эти стелы, многие из которых гораздо выше человеческого роста⁷⁴, в наследии Пиктавии не существует. Помимо уже затронутых надписей, на них иногда высечены пиктские символы (всего их около 40), уникальные как в отдельных случаях (“двойной диск с Z-образным прутом”, “полумесяц с V-образным прутом”, “прямоугольник с вырезами”, “камертон”, “пиктский зверь” и др.), так и по их системе в целом, хотя в стилистике исполнения прослеживаются некоторые аналогии с кельтским, германским и средиземноморским искусством⁷⁵. При этом ведущие исследователи отмечают первенство ряда пиктских резных изображений перед миниатюрами из известных памятников иного происхождения (например, евангелий Корпус, Дерроу и Эхтернаха)⁷⁶. Среди прочего, пиктские монументы содержат древнейшие в мире изображения треугольной арфы⁷⁷, которая, вероятно, была изобретена пиктами и воспринята их соседями. Искусство пиктов включает не только рельефные стелы и каменные кресты, но и такие шедевры, как Сент-Эндрюсский саркофаг⁷⁸ и реликварий из Монимаска; эти произведения времен расцвета (VII – IX вв.) не были превзойдены в Шотландии до самого пришествия готики. Если бы мои оппоненты отнеслись к этим памятникам более уважительно, то не так сомневались бы в культурном единстве и самобытности их создателей и писали бы не о единичных и редчайших исключениях в Лотиане и Гэллоуэ⁷⁹, а о об абсолютном большинстве стел всех трех классов в Стране Пиктов как таковой⁸⁰, без всяких кавычек. Высокий уровень пиктской культуры отражен как в резных изображениях на камне, так и в изысканных

Со своей стороны, Джордж и Исабел Хендерсоны выражают сожаление, что “широкая публика... едва ли не равнодушна” к пиктскому наследию (*Henderson G., Henderson I. Op. cit. P. 228*).

⁷⁴ Некоторые достигают 3 м. и более, а Sueno's Stone (Форрес, графство Морей) – свыше 6,5 м.

⁷⁵ *Henderson G., Henderson I. Op. cit.; Fraser I. The Pictish Symbol Stones of Scotland. Edinburgh, 2008.*

⁷⁶ *Henderson G., Henderson I. Op. cit. P. 229.*

⁷⁷ Даплинский крест, церковь Сент-Серф, Даннинг, Перт и Кинросс (ок. 800 г.); стела Монифит 4, Национальный Музей Шотландии, Эдинбург.

⁷⁸ *Foster S.M. (ed.) The St Andrews Sarcophagus: A Pictish Masterpiece and its International Connections. Dublin, 1998.*

⁷⁹ *Фёдоров С.Е. Паламарчук А.А. Средневековая Шотландия. С. 25.*

⁸⁰ *An Historical Atlas of Scotland c. 400 – c. 1600. Ed. P. McNeill & R. Nicholson. St. Andrews, 1980. P. 9–11, 114–116.*

изделиях из серебра и других материалов. Во всех вышеназванных случаях и многих других историки, археологи и искусствоведы говорят не о бриттской или пикто-бриттской, а именно о пиктской культуре.

Мои оппоненты ставят мне на вид, что я веду речь об общественно-политическом и культурным единстве пиктов, об их государстве и его истории⁸¹. Да, я считаю единое королевство пиктов раннегосударственной формой. С VI–VII по IX века их держава была величайшей по протяженности и сильнейшей в военно-политическом отношении на территории будущей Шотландии. Она успешно противостояла натиску англов и скандинавов и нередко приводила к покорности бриттов и скоттов. Она имела свои политические и церковные центры, могучее войско и флот и яркую, самобытную культуру. Потому я и называю ее предвестницей объединенной Шотландской монархии. Сегодня на этом сходятся многие историки. Джеймс Фрэйзер пишет о том же самом как о “Пиктском проекте”: “Срастание [coalescence] племен во внутренней Каледонии началось ко II веку... В 680-е гг. юг и север объединились настолько, что один король мог титуловаться *rex Pictorum*...”; “к началу VIII в... идея принадлежности к единой по происхождению общности, *gens Pictorum*, с общей историей, общими политическими и экономическими интересами и общими культурными чертами простиралась через Маунт [т.е. по обе стороны главного хребта Грампианских гор – Д.Ф.]”; “полностью преданный Пиктавии король Онист [он же Энгус мак Фергус (правил в 729–761) – Д.Ф.]... нанес последние мазки на *gens Pictorum* как политическую идею”⁸². Алекс Вулф отмечает: “По своим фундаментальным структурам Шотландское королевство [Алба X–XI вв. – Д.Ф.] не так уж отличалось от королевств, которые доминировали в северной Британии в VIII в.”, подразумевая прежде всего Пиктавию и Нортумбрию⁸³. Есть веские основания полагать, что Кеннет мак Элпин, или Киниод сын Элфина († 858), признаваемый основателем единой державы пиктов и скоттов в 842/843 г., был пиктом по одной из линий, если не по обеим. Важность пиктских начал для формирования Королевства Скоттов подчеркивает и Довит Броун⁸⁴. С другой стороны, мне затруднительно привести имя новейшего автора, кто оценивал бы роль пиктов и их королевства в становлении Шотландии столь невысоко, как мои оппоненты, и даже ставил бы под вопрос саму историю этого королевства.

---

⁸¹ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 160. В этой связи любопытен пассаж: “Селковия – бриттское государство [курсив мой – Д.Ф.] на юге средневековой Шотландии, существовавшее с середины VI до начала VII в.” (Они же. Средневековая Шотландия. С. 19). Характерный пример подхода моих оппонентов – бритты были способны создать государство, в отличие от слаборазвитых жителей пиктского “анклава”.

⁸² Fraser J.E. Op. cit. P. 225, 227, 318; P. 235–319 (“The Pictish Project”).

⁸³ Woolf A. Op. cit. P. 350.

⁸⁴ Broun D. Scottish Independence and the Idea of Britain. From the Picts to Alexander III. Edinburgh, 2007. P. 71–100.

Сделав упор на историографии по пиктам, С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук оставляют без ответа многие другие пункты моей рецензии. В частности, почему авторы умалчивают о сильном английском влиянии на Шотландию в раннее Средневековье и об англо-шотландских отношениях до самого конца XIII в., что особенно странно для англоведов? Как можно писать о шотландских святых без Махара Эбердинского, Катберта Нортумбрийского и Лотианского, Магнуса Оркнейского и (особенно) королевы Маргарет? Куда в их монографии подевались скандинавы, оказавшие сильнейшее всестороннее воздействие на Шотландию? На каком основании земельные пожалования рассматриваются только на уровне высшей светской знати? И почему так скудно освещена эпоха XII–XIII вв., ставшая определяющей в развитии шотландского социального строя и государственности? Правда, в своей статье мои оппоненты вновь затрагивают начальный период Войн за независимость Шотландии от Англии – очень близкую мне тему, которой я занимаюсь с давних пор.

В ответе на мою рецензию С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук провозглашают “сознательный отказ от «национально-патриотической» концепции” и даже делают попытку заменить само понятие Войн за независимость Шотландии на династические “войны между Брюсами и Плантагенетами”⁸⁵. Уместно напомнить, что англо-шотландская вооруженная борьба продолжалась и долгое время после ухода со сцены и Брюсов и Плантагенетов, порой с прямыми угрозами для шотландской независимости, как после битвы при Флоддене 1513 г., позабытой моими оппонентами, или во время “Грубого Сватовства” 1543–1551 гг. Более того, прежде чем Роберт I Брюс возглавил антианглийское движение и стал королем Скоттов в 1306 г., Война за независимость его державы длилась уже целых десять лет. Она началась заключением франко-шотландского союза в Париже 23 октября 1295 г., который был ратифицирован ассамблеей трех сословий Шотландии в Данфермлине 23 февраля 1296 г.⁸⁶, и сперва велась от имени короля Скоттов Джона Бэллиола, низведенного до вассальной зависимости Эдуардом I Английским. Вскоре после обманчиво легкой победы Эдуарда и отстранения Бэллиола последовало восстание 1297 г.

Личность и деяния Уильяма Уоллеса (ок. 1272–1305) представляют большие неудобства для новой концепции “войн Брюсов”. В своей книге мои оппоненты, путаясь в его сражениях, называют его “нетипичным” и даже упускают из вида, что он стал Хранителем (регентом) Шотландии⁸⁷, а в статье не устаивают ни единым словом. По происхождению Уоллес был фигурой вполне обычной – таких обездоленных младших рыцарских сыновей в рядах шотландцев билось множество. Однако по своим личным

---

⁸⁵ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 169. В другом месте мои оппоненты говорят просто о “войнах Брюсов”.

⁸⁶ Латинский текст этого документа с английским переводом: http://www.rps.ac.uk/search.php?action=fetch_index_frame&fn=john_balliol_ms&id=215&type=ms.

⁸⁷ Лат. Custos Regni, старофранц. Gardeyn du Reaume.

качествам и заслугам он вполне оправдывает имя одного из величайших народных вождей Средневековья (именно так!). К счастью, о нем известно гораздо больше *фактов*, чем о Робине Гуде или Вильгельме Телле, и написано достаточно⁸⁸. Поскольку соответствующий раздел в книге моих оппонентов и их точка зрения весьма слабо иллюстрированы документами эпохи, приведу два достоверных свидетельства. Накануне сражения при Стирлинг Бридже Уоллес объявил посланцам от английской армии: “Передайте вашим, что мы пришли не ради мира, но готовы на битву, дабы восстановить и освободить наше королевство [как таковое, не ради Бэллиола или Брюса – *Д.Ф.*]; пускай подойдут, если захотят, и мы докажем это на их бородах”⁸⁹. 11 октября 1297 г. Уоллес и его соратник Эндрю Морей, “Вожди войска Королевства Шотландии и общины оногo Королевства”, особой грамотой известили бургомистров и жителей крупнейших ганзейских портов, Любека и Гамбурга, что “Королевство Шотландия, хвала Богу, войною освобождено от власти англичан”⁹⁰, и все его гавани вновь доступны для безопасной торговли. Современные, независимые и надежные показания предельно ясно выражают изначальную и главную цель шотландцев в войне, причем во втором случае это сделано в подлинном официальном документе, устами самих командующих войск и правителей государства (король Джон пребывал в изгнании). Даже после поражения при Фолкерке Уоллес не слагал оружия еще семь долгих лет, вплоть до пленения и жесточайшей казни в Лондоне. Приговор английского трибунала выглядит как своеобразное признание его успехов: захват верховной власти (хотя он действовал по выбору “общины Королевства” и во имя законного монарха своей страны), набор огромного войска, созыв шотландского парламента, издание государственных актов и поддержка антианглийского союза с Францией⁹¹. Правда, компетенция английского суда и основное обвинение в государственной измене “шотландца, происходящего из Шотландии [*Scotus et de Scotia ortus*]” вызывают возражения, ибо Уоллес был легитимным Хранителем своей страны и никогда не присягал короне Англии.

При всех различиях Уоллеса и Брюса (первый, неимущий рыцарь, стоял за короля Джона; второй, знатный и богатый вельможа, отстаивал собственное право на престол), они сражались за одно дело – полный суверенитет своей страны от английских посягательств. Это со всей

---

⁸⁸ Documents Illustrative of Sir William Wallace, His Life and Times. Ed. J. Stevenson. Maitland Club. Edinburgh, 1841; *Barrow G.W.S.* Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland. Edinburgh, 1982. P. 109–196; *Fisher A.* William Wallace. Edinburgh, 2002; The Wallace Book. Ed. E.J. Cowan. Edinburgh, 2007; *Федосов Д.Г.* Рожденная в битвах. С. 226–240, 300–301.

⁸⁹ “Renunciate vestris, quod pro bono pacis non venimus, sed parati sumus ad pugnam, ad vindicandum scilicet et liberandum regnum nostrum. Ascendant ergo cum voluerint, et nos paratos invenient etiam in barbas eorum” (английская “Хроника Гисборо” – Documents Illustrative of Sir William Wallace. P. 47).

⁹⁰ “Regnum Scotiae, Deo regraciato, ab Anglorum potestate bello est recuperatum” (Documents Illustrative of Sir William Wallace. P. 159).

⁹¹ Ibid. P. 189–193.

очевидностью явствует из документа, подведшего итог первой освободительной войне. Англо-шотландский мирный договор был утвержден парламентом Шотландии в Эдинбурге 17 марта 1328 г. и ратифицирован английским парламентом в Нортэмптоне 4 мая. Король Англии Эдуард III от своего имени и за своих преемников отказался от всех претензий на Шотландию и объявил недействительными все акты, где таковые выдвигались. При этом не только полностью учитывались завоевания Брюса, но и восстанавливался довоенный *status quo*, как при последнем монархе древней шотландской династии Александре III (правил в 1249–1286): “Королевство Шотландия, в своих подлинных рубежах, какими оные пребывали и содержались во времена Александра, доброй памяти усопшего короля Шотландии, навечно достанется великому государю лорду Роберту, Божьей милостью сиятельному королю Скоттов, нашему дражайшему союзнику и другу, и его наследникам и преемникам – отделенное во всем от королевства Англии, целостное, свободное и мирное, без какого-либо подчинения, неволи, притязания или требования”⁹². Хотя слово “независимость” тут не приводится, его политический и юридический смысл передан с безупречной точностью, так что помянутые сомнения в целях шотландцев и характере войны излишни.

С шотландской стороны в ней участвовали *все* сословия, и не порознь, а совместно, что и позволяет говорить о всеобщем или общенародном освободительном движении. В этом я вижу главный залог победы шотландцев в далеко не равном единоборстве. Я не нуждаюсь в разъяснениях, как надо правильно понимать идею “общины Королевства” (*communitas Regni Scotiae*), весьма убедительно раскрытую Джеффри Бэрроу, по той причине, что я не раз обсуждал этот вопрос с ним самим. Ни он, ни я никогда не трактовали это понятие как “«нацию» в ее *модерном* [курсив мой – Д.Ф.] значении”⁹³, и я не собираюсь этого делать и впредь. Однако, вслед за многими шотландскими коллегами (Дж. Бэрроу, Арчибалд Данкан, Рэналд Николсон, Довит Броун и др.), я убежден и источниками, и самим ходом событий, что уровень сплоченности шотландского народа⁹⁴ в конце XIII –

---

⁹² “Regnum Scocie per suas rectas marchias prout temporibus bone memorie Alexandri regis Scocie ultimo defuncti fuerunt habite et servate, magnifico principi domino Roberto Dei gracia regi Scottorum illustri confederato ac amico nostro carissimo suisque heredibus et successoribus, divisum in omnibus a regno Anglie, integrum, liberum ac quietum remaneat in perpetuum absque qualicumque subjeccione, servitute, clameo vel demanda” (Anglo-Scottish Relations 1174–1328. Some Selected Documents. Ed. E.L.G. Stones. Oxford, 1970. P. 322, 324).

⁹³ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 168. Под “эпохой модерна” я понимаю совсем не то, что мои оппоненты, а период Art Nouveau, и вовсе не прибегаю к неуклюжему прилагательному “модерный”, несмотря на его новомодность у иных авторов. От него недалеко и до “постмодерного”.

⁹⁴ Указывая, что термины *gens*, *populus* и *natio* содержатся еще в «Этимологиях» Исидора Севильского, мои оппоненты заявляют, что “их понимание в целом не изменялось вплоть до раннего Нового времени” – и тут же упоминают “нации в средневековых университетах, буквально означавшие «землячество»” (Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О

начале XIV в. был достаточно высок, чтобы десятилетиями единым фронтом (кроме ряда магнатов) противостоять мощной внешней агрессии со стороны сильнейшей во всех отношениях державы и, в отличие от Уэльса и Ирландии, отстаивать свою свободу. В небольшой, сравнительно малонаселенной стране, как Шотландия, при ослабленных клановым строем сословных преградах⁹⁵, такая консолидация была легче достижима, чем в обширных государствах. Тем более в условиях, когда грубое давление английских оккупационных властей попирало права всех сословий, от духовных и светских лордов до крестьян, и встречало все возрастающий отпор. Аналогии, конечно, можно проводить (например, со Швейцарией, тогда же борющейся с Габсбургами и бургундцами), но условия Шотландии, как и любой страны, неповторимы. Кстати, должен признаться, я принадлежу к тем самым историкам, кто прямо связывает рождение французской и испанской наций (без кавычек) соответственно со Столетней войной и Реконкистой, и чьи взгляды кое-кем “были пересмотрены на современном этапе изучения процессов нациестроительства”⁹⁶. Уповаю, что в богатейшей и многоликой историографии обеих стран, как и в Шотландии, единомышленники у меня найдутся и сегодня, даже после означенного пересмотра.

С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук убеждены в том, что “общность подданства... возможна лишь в государстве Нового времени”⁹⁷. Думается, древний властелин Китая Цинь Шихуанди (III в. до н.э.), Карл Великий, Тамерлан и ряд других монархов, в том числе Эдуард I Плантагенет и Роберт I Брюс, могли бы оспорить это утверждение. В документах правления Брюса нет никаких признаков разделения подданства короне по какому-либо принципу, и его противникам приходилось либо покориться, либо подвергнуться конфискации и бежать из страны. Несходство и противоречия между “равнинной” и горной Шотландией, правда, имелись, но уже к концу XIII в. все жители равнин, гор и островов в равной мере считались подданными королей Скоттов, которые сами были смешанных кровей и владели обоими языками. Еще Эван Бэррон показал, насколько деятельно гэлы участвовали в борьбе за независимость, начиная с северного восстания 1297 г., которое возглавил соратник Уоллеса сэр Эндрю Морей⁹⁸. При Брюсе, опиравшемся на многие гэльские кланы, это проявилось еще более решительно.

Тезис моих оппонентов об “активном строительстве вассально-сеньориальных отношений, действительно имевшем место в южной части

средневековой Шотландии и не только... С. 168–169). Поскольку ни университетов, ни землячеств при Исидоре не было, понимание этих терминов, выходит, все же менялось.

⁹⁵ Один из главных признаков этого – парламент Шотландии, однопалатный во все времена.

⁹⁶ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 175.

⁹⁷ Там же. С. 175.

⁹⁸ Barron E.M. The Scottish War of Independence. 2nd edn. Inverness, 1934.

Шотландии с XII по XIV в.,”⁹⁹ вызывает недоумение. А как же *все прочие* части Королевства Скоттов?! Самое беглое знакомство с указателями к любому изданию шотландских хартий тех времен убеждает, что пожалования “in feodo et hereditate” делались не только на юге, но *почти по всей территории страны*, вплоть до самых дальних областей и островов¹⁰⁰. Феодальные отношения, в самом деле, были привнесены в Шотландию извне, однако они *стали* для страны вполне типичными и оставались таковыми на протяжении веков. Последние следы феодальной системы в шотландском землевладении были законодательно устранены только в ходе правовой реформы 2000-х годов¹⁰¹.

Поскольку С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук по-прежнему ошибочно именуют шотландскую армию “феодальным войском”, приходится повторить, что в Средние Века “всеобщая шотландская рать” (*communis* или *Scoticanus exercitus*) неизменно представляла собой пешее народное ополчение с небольшим (обычно всего несколько сотен) отрядом конных рыцарей. Она набиралась из мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, способных носить оружие, кроме знати и духовенства, но не исключая лично зависимых крестьян. В отличие от феодальной рыцарской службы (*servitium debitum*), эта чрезвычайная военная повинность называлась “шотландской” или “общей службой” (*servitium Scoticanum* или *forinsecum*), и ею облагались все держания в стране, в том числе церковные. Парламентские статуты 1318 г. предписывали каждому, чье имущество стоило не менее десяти шотландских фунтов, иметь кольчугу, шлем, рукавицы, копье и меч; тот, кто победнее и имел хотя бы одну корову, должен был обзавестись копьем или луком с двумя дюжинами стрел¹⁰². Такой порядок набора действовал с незапамятных времен и не являлся феодальным.

Мои оппоненты, как и прежде, подчеркнуто недооценивают самый знаменитый письменный памятник шотландской истории – Арбротскую декларацию 1320 г., которая наиболее ярко выразила цели и самый дух Войны за независимость, а также приблизила победу шотландцев в высшем международном трибунале Средневековья – папской курии, вскоре признавшей Роберта Брюса суверенным королем Скоттов¹⁰³. На “основании” единственной измененной цитаты из Саллюстия и нескольких библейских аллюзий они упорно приписывают ей “компилятивный характер” и даже

---

⁹⁹ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 175.

¹⁰⁰ См., например, любой из томов серии Regesta Regum Scottorum, или Registrum Magni Sigilli Regum Scottorum. Ed. J.M. Thomson. Vol. I. Edinburgh–L., 1984.

¹⁰¹ В 2000 г. возрожденный парламент Шотландии принял акт об “Упразднении феодальных держаний”, разработанный известным юристом Кеннетом Ридом.

¹⁰² The Acts of Robert I, King of Scots. Ed. A.A.M. Duncan. Edinburgh, 1988 (Regesta Regum Scottorum. Vol. V, № 139, chapter xxvii). См. также: Barrow G.W.S. The Kingdom of the Scots. 2nd edn. Edinburgh, 2003. P. 273.

¹⁰³ Об оценках этого выдающегося памятника см.: The Declaration of Arbroath: History, Significance, Setting. Ed. G.W.S. Barrow. Edinburgh, 2003; Федосов Д.Г. “Арбротская декларация независимости Шотландии 1320 г.” СВ. 1989. Вып. 52. С. 99–114; он же. Рожденная в битвах. С. 305–309 (русский перевод Арбротской декларации).

считают последний “неотъемлемой чертой *любых* [курсив мой – Д.Ф.] средневековых текстов и документов”¹⁰⁴. Но в чем состоит компилятивность, скажем, упомянутого выше письма Уоллеса общинам Любека и Гамбурга? Это единственный дошедший до нас внешнеполитический акт его регентства, написанный по вполне конкретному поводу, без каких-либо цитат, отсылок и параллельных мест; думаю, любой медиевист сможет привести немало примеров оригинальных, некомпильтивных текстов из своей области. Честно говоря, не знаю других историков, видящих в Арбротском послании компиляцию.

С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук безоговорочно приписывают канцлеру Шотландии Бернарду Линтону авторство как Арбротского манифеста, так и “Ирландской ремонстрации”, составленной от имени “короля Ольстера и истинного наследника всей Ирландии” Донала О’Нила в 1317/18 г. Если в первом случае это возможно, хотя и не доказано¹⁰⁵, то во втором – очень сомнительно, поскольку в этих двух посланиях есть заметные различия. Неверно и то, что текст Арбротской декларации обрел популярность “поздно”, поскольку был впервые издан лишь в 1680 г.: еще в XV веке его нередко копировали, и до нас дошло несколько списков в составе хроники Уолтера Боуэра, сборника сент-эндриусского приора Холденстона и хроники монастыря Пласкарден¹⁰⁶. Особенно “Боуэр сыграл свою роль в обеспечении популярности и известности этого ключевого документа”¹⁰⁷.

Мои оппоненты пеняют на то, что я ссылаюсь на книгу моего наставника Джеффри Бэрроу “Роберт Брюс и Община Шотландского Королевства”, впервые вышедшую еще в 1965 г.¹⁰⁸, и намекают на ее устарелость. Однако она постоянно совершенствовалась и дополнялась, и в 2013 г. появилось уже 5-е издание¹⁰⁹, не считая многочисленных репринтов в Британии и США. Профессор Бэрроу не прекращал трудов до последних своих дней и умер 14 декабря 2013 г. Мои оппоненты, похоже, уверены, что последующие сочинения а рiогi должны превосходить предыдущие, но так бывает не всегда. Я слежу за шотландской историографией, знаю многих ее

---

¹⁰⁴ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 173.

¹⁰⁵ В одном из писем ко мне Джеффри Бэрроу отмечал: “Долгое время я вовсе не был доволен приписываемым канцлеру Бернарду авторством [Арбротской декларации], соглашаясь с профессором [Арчибалдом] Данканом, что предположение лорда Купера об общем авторстве нескольких официальных документов между 1310 и 1326 гг. или позже, поистине, отстаивать нельзя”. Бэрроу считал более вероятным автором видного клирика Александра Киннинмонта – члена шотландского посольства, вручившего Декларацию папе Иоанну XXII (*Barrow G.W.S. Robert Bruce and the Scottish Identity. Edinburgh, 1984. P. 22–23*).

¹⁰⁶ *Copiale Prioratus Sanctiandree. L., 1930. P. 17–18; Liber Pluscardensis. Vol. I. Edinburgh, 1877. P. 201–205, 252–255.*

¹⁰⁷ *Watt D.E.R. “A National Treasure? The Scotichronicon of Walter Bower”. Scottish Historical Review. Vol. LXXVI, No. 201. 1997. P. 51.*

¹⁰⁸ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 169.

¹⁰⁹ *Barrow G.W.S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland. Edinburgh, 2013.*

представителей не понаслышке и могу сказать, что авторитет Бэрроу по-прежнему непоколебим, а его блестящее исследование о Брюсе и ряд других остаются непревзойденными, даже если иные детали уточняются или оспариваются. Все нынешние шотландские медиевисты многим обязаны этому превосходному историку прямо или косвенно. В предисловии к новейшему изданию названного труда Майкл Браун¹¹⁰ пишет: “Продолжающееся влияние “Роберта Брюса” замечательно. По меньшей мере три поколения шотландских историков выросли, используя книгу Бэрроу в качестве мерил... Последующие поколения ученых действовали в тени этих гигантов средневековой шотландской историографии [Бэрроу и Арчибалда Данкана]”; “Роберт Брюс...” с полным правом назван “шедевром исторической литературы”¹¹¹.

Вердикт С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук о главном направлении новейшей шотландской историографии мог бы быть вынесен лондонскими политиками-юнионистами из числа истовых тори: “Сохранение традиции, усматривающей в войнах Брюсов [sic! – Д.Ф.] истоки рождения шотландской нации, вполне объяснимо: определяется оно политической конъюнктурой нереализованных по сей день национальных амбиций Шотландии; все это обуславливает патриотическую ангажированность... даже таких выдающихся историков современности как Д. Броун”¹¹². Они не допускают мысли, что взгляды и выводы столь многих видных шотландских историков могут носить не только и не столько субъективный, сколько объективный характер, будучи прочно основаны на глубокой осведомленности в реалиях Шотландии, а также на тщательном и всестороннем изучении изданных и неизданных памятников, – в разительном контрасте с методом моих оппонентов. Кстати, Довит Броун на оригинальном материале прекрасно доказывает давнее заключение Арчибалда Данкана, что идея суверенного Королевства Скоттов и ее реальное воплощение к концу XIII в. стали “причиной, а не результатом” Войн за независимость¹¹³. “Наш шотландский народ” (*nostra Scottorum nacio*) Арбротского манифеста и других подлинных актов (столь же, если не более, “патриотически ангажированный” еще тогда), возможно, и удалось бы списать на пропагандистские выдумки – если бы не десятилетия освободительной и в итоге победной борьбы того самого народа. Это подтверждают бесчисленные неопровержимые факты о Войнах за независимость, выигранных шотландцами, несмотря на то, что одна из мощнейших держав Европы в своем неумолимом натиске опиралась не только на английские, но и французские, ирландские, валлийские и даже отчасти шотландские ресурсы. Мои оппоненты, к слову, никак не объясняют

---

¹¹⁰ Автор IV тома “Новой эдинбургской истории Шотландии”: *Brown M. The Wars of Scotland, 1214–1371. Edinburgh, 2004.*

¹¹¹ *Barrow G.W.S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland. P. viii, xiv–xv.*

¹¹² *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 170.*

¹¹³ *Broun D. Scottish Independence and the Idea of Britain. From the Picts to Alexander III. Edinburgh, 2007; Duncan A.A.M. “The Community of the Realm of Scotland and Robert Bruce – a Review”. Scottish Historical Review. Vol. XLV, 1966. P. 184.*

результат англо-шотландских войн – быть может, полагая его несущественным или случайным.

Что до моей книги “Рожденная в битвах”¹¹⁴, С.Е. Фёдорову и А.А. Паламарчук мнится некий “парадокс” в ее названии. Поясню, что это – перевод старинного присловья, иногда применяемого шотландцами к своей стране (*Scots* “Born Fechtand”, *англ.* “Born Fighting”). Вместе с потомками пиктов, скоттов и других племен этого Королевства я искренне полагаю, что тысячелетние войны с Англией (VI – XVI вв.) и более длительная, чем где-либо еще, борьба с нашествиями скандинавов (VIII – XIII вв.), не говоря уже о множестве яростных внутренних усобиц, всецело оправдывают такой титул. И в Европе, и за ее пределами есть немало государств, появившихся на свет с не столь долгими и менее кровопролитными усилиями.

Коль скоро мои оппоненты упоминают эту книгу, скажу о кое-каких различиях между нашими трудами, которые посвящены одной стране и тематике и в обоих случаях именуются “научными изданиями”. Во-первых, моя работа имеет четко выраженные задачи, план и построение. В предисловии к монографии С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук, при ее гигантском хронологическом размахе, цели и приоритеты исследования не сформулированы. Оставляя за собой право писать обо всем, авторы берутся за многое, но мало что доводят до конца, а иные важнейшие темы не освещают вовсе. “Средневековая Шотландия” распадается на две очень разные по подходу и стилю, практически не связанные между собой части: после раннего Средневековья (раздел I) происходит внезапный скачок к рубежу XIII–XIV вв. Если в I разделе авторы ставят ряд существенных проблем и стараются разрешить их на первоисточниках, то два других раздела в сущности представляют собой реферат, написанный по англоязычной исторической литературе. Книга обрывается без каких-либо пояснений на 1507 г., хотя, согласно аннотации, должна была доводиться до начала шотландской реформации середины XVI в. Заключение и общие выводы практически отсутствуют.

Во-вторых, в моей книге повсеместно, пусть и не всегда бесспорно, применяется последовательная транскрипция шотландских имен, географических названий и терминов, основанная на многолетнем опыте личного знакомства со страной и ее языками. Мои оппоненты используют на разные лады то фонетическую, то графическую, то гибридную транскрипцию и предпочитают калькирование (“чемберлен”, “хаузхолд”, “Оркаианы”, “династия-в-становлении” и т.д.). Это нередко затрудняет понимание терминов. К примеру, *chamberlain* (*лат.* *camerarius*) в средневековой Шотландии означает казначея, для которого не применялся английский термин *treasurer*. Оркнейские острова, вероятно, более известны читателям,

---

¹¹⁴ В своей монографии (с. 15) мои оппоненты пишут, что “учитывали также опыт первого в отечественной историографии исследования по средневековой Шотландии, принадлежащего перу известного знатока шотландских древностей Д.Г. Федосова”. В ответе на мою рецензию, в отместку за критику, они “прохаживаются” по ряду моих положений.

чем их латинское обозначение *Orcades*, и их жителей легче распознать как оркнейцев. Разумеется, стиль – прерогатива авторов, хотя такие обороты, как “пирамидально сгруппированный срез социальной структуры”, “диффузия... не исключала дивергентный по сути характер последующей эволюции” или “коммуникативный аспект диалектного континуума”, могут устроить даже бывалых историков, не говоря о широкой публике. Но на моем довольно долгом профессиональном пути никогда не приходилось видеть печатный труд со столь сумбурной номенклатурой, как “Средневековая Шотландия”, что неприемлемо для научной работы. Более того, шотландские топонимы периодически путаются с английскими (Биргем – Бирмингем, Камбернолд – Камберленд, Данэверти – Давентри), а Оркнеи – с Гебридами. Этот пункт подробно рассмотрен в моей рецензии, и попытка представить такие вещи как опечатки не убеждает.

Главное же отличие состоит в том, что мое исследование основано на широком круге богатых и разнообразных первоисточников, кое в чем (анализ хартий короля Роберта I и Линдорского картулярия) с опережением англоязычных коллег. В книге моих оппонентов только I раздел имеет солидную источниковую базу, хотя и по нему есть вопросы на сей счет: анонимный панегирик с первым упоминанием пиктов помещен без точного цитирования в сноске и приписан Эвмению (с. 22), но в приведенной там же публикации авторство последнего как раз исключено¹¹⁵, а Аммиан Марцеллин отсутствует вовсе – так и возникает мнение, будто римляне не разделяли бриттов и пиктов; анналистика использована лишь фрагментарно: есть три ссылки на Ольстерские анналы, всего по одной на Иннисфалленские, Коннахтские и Тигернаха, хотя последние особенно ценны по своему “шотландскому” материалу, и ни одной на анналы Клонмакнойса и Четырех Мастеров; несмотря на центральное место, отведенное бриттам, ссылок на Валлийские анналы (*Annales Cambriae*) нет вообще; никак не объяснено авторами (и едва ли объяснимо) абсолютное отсутствие скандинавских и исландских источников.

Казалось бы, начиная с XII в., с появлением новых видов письменных свидетельств и стремительным ростом их числа, историк должен привлекать их все шире и подробнее, желательно по авторитетным изданиям подлинных текстов, а не по литературе. Однако в монографии С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук происходит обратное: первоисточников в тексте и комментариях становится все меньше, вплоть до полного исчезновения соответствующих ссылок на многих страницах подряд. Во II разделе (как раз о Войнах за независимость, по которым у авторов немало особых мнений) нет *ни одной* конкретной ссылки на источники, только на их публикации в целом; в III разделе дело обстоит немногим лучше, там иногда появляются указания страниц. Всего на II и III разделы (12 глав) источниковедческих ссылок едва наберется десятка полтора (в среднем чуть больше одной на главу); редкие,

---

¹¹⁵ In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Ed. C.E.V. Nixon & B.S. Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1994. P. 9, 104–105.

разрозненные и в большинстве формальные, они не показывают *работу* авторов со средневековыми текстами. Единственная сноска на акт парламента Шотландии связана с 1488 г., когда сословному представительству в стране было уже около двухсот лет¹¹⁶. Хартии королей Скоттов, изданные в серии *Regesta Regum Scottorum*, иногда появляются в I разделе, но не в двух остальных, причем ссылок на акты Роберта I и Дэвида II Брюсов¹¹⁷ нет вообще, и только одна – на тома серии *Registrum Magni Sigilli Regum Scottorum*. Сходное положение с монастырскими картуляриями, межгосударственными договорами и другими типами документов.

Крайне слабо представлены не только акты, но и нарративные памятники, кроме двух сносок на позднюю “Историю” Роберта Линдзи оф Питскотти (ок. 1532–1580) в III разделе. Шотландские хронисты первого ряда – Джон Барбор, Джон Фордан, Эндрю Уинтон, Уолтер Боуэр¹¹⁸ – названы всего лишь по 1-2 раза, и даже их имена даются неточно (“Барбур”; Боуэр именуется то Уолтером, то Джоном; если авторы выбирают латинское или русское прочтение “Фордун”, то он должен быть не “Джоном”, а “Иоанном”)¹¹⁹. Одинокое упоминание о “Брюсе” Барбора – незаменимом и ярком свидетельстве современника о Войне за независимость и о самосознании шотландцев XIV века – было отправлено в сноску, из которой следует, что “патриотический элемент [поэмы]... был в значительной мере преувеличен позднейшей романтической традицией”¹²⁰. Однако труд архидиакона Эбердинского высоко патриотичен и сам по себе, без поздних прикрас. Нет нужды гадать, что именно выражает известный гимн свободе

---

¹¹⁶ Новейшая публикация актов парламента Шотландии: *The Records of the Parliaments of Scotland to 1707*. St. Andrews, 2007–2015 (<http://www.rps.ac.uk/>).

¹¹⁷ *The Acts of Robert I, King of Scots*. Ed. A.A.M. Duncan. Edinburgh, 1988; *The Acts of David II, King of Scots*. Ed. B. Webster. Edinburgh, 1982.

¹¹⁸ *Barbour J. The Bruce*. Ed. A.A.M. Duncan. Edinburgh, 2007; *Fordun J. Chronica Gentis Scottorum*. Ed. W.F. Skene. 2 vols. Edinburgh, 1871–1872; *The Original Chronicle of Andrew of Wyntoun*. Ed. F. J. Amours. 6 vols. Edinburgh, 1908–1914; *Bower W. Scotichronicon*. Ed. D.E.R. Watt & others. 9 vols. Edinburgh & Aberdeen, 1987–1998.

¹¹⁹ Название данной статьи иронично лишь в малой мере (у лорда Байрона, полу-англичанина, полу-шотландца, есть поэма *English Bards and Scotch Reviewers*). Барды издавна были не только поэтами, но и хранителями исторической памяти, а ряд хронистов, в том числе шотландцы Джон Барбор и Эндрю Уинтон, писали в стихотворной форме. К “бардам” я отношу и видных шотландских историков XVIII–XIX вв. Хьюма, Робертсона, Скотта, Тайтлеров и многих других, которых мои оппоненты не удостоивают вниманием и, по-видимому, не держат за историков вообще. Да и наш современник Джеффри Бэрроу, при высочайшем мастерстве научных методов исследования, дал яркие примеры того, как может писать “историк-художник” (определение С.Ф. Платонова и Н.Я. Эйдельмана, который добавляет: “Над этим посмеивались уже в 1820-х, от этого позже старались уйти в научную сторону, но именно этого, кажется, не хватает полтора [ныне почти два – Д.Ф.] века спустя” – *Эйдельман Н.Я. Последний летописец*. М., 1983. С. 157; *Платонов С.Ф. Карамзин-историк. Собр. соч. Т. V. М., 2017. С. 330*). Е.А. Косминский, учитель моей наставницы Е.В. Гутновой, любил называть Клио “строгой музой”; ныне о том, что она муза, многие позабыли, да и со строгостью не все благополучно.

¹²⁰ *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Средневековая Шотландия*. С. 164.

(“A! Fredome is a noble thing!..”)¹²¹, ибо поэт-хронист постоянно воспекает избавление Шотландии от английского господства: “And for the fredome of our land / [Ar strenzeit] in battale for to stand” и т.д.¹²² “Брюс” содержит гораздо больше, чем поэтические вольности и гиперболы, и давно уже признан кладезем исторических фактов, поскольку основан на утраченных рукописях и рассказах очевидцев, да и написан наблюдателем освободительных войн.

Мои оппоненты, специалисты прежде всего по Англии, почему-то не прибегают и к весьма существенным сведениям со “своей” стороны, которыми полны хроники Уильяма Ришенджера, Уолтера из Гисборо, приорства Лэнеркост, “Жизнь Эдуарда II”, *Scalacronica* Томаса Грэя и др. Также оставлены в стороне франко-нормандские и фламандские сочинения (Робер де Ториньи, Жордан Фантом, Жан Ле Бель, Жан Фруассар).

Можно ли всерьез обозревать историю средневековой Шотландии без всего этого?!

Скудость и тем более отсутствие источников нельзя заменить ни теоретическими конструкциями, сколь бы изощренными и наукообразными они ни были, ни даже солидными очерками историографии. Показательно, что нет первоисточников и в многостраничном ответе на мою рецензию, кроме Исидора Севильского, прямо не относящегося к делу, и Арбротской декларации, изъятой из контекста англо-шотландской борьбы¹²³ и превратно подаваемой.

По мысли моих заочных собеседников, я должен испытывать “боязнь вторжения конкурентов в область собственных научных интересов” и “личную досаду от самого факта появления новой работы в области, которую он [Д.Г. Федосов] считает им полностью освоенной”¹²⁴. Это полнейшие домыслы – я с роду ничего такого не питал, нигде не писал и никому не говорил. Но я в самом деле досаую о том, что достойный предмет лишь в малой степени получил достойное освещение. Жизнь показывает, что экспедиции (или, по слову моих оппонентов, вторжения) из Англии в Шотландию, даже широко задуманные и, казалось бы, тщательно подготовленные, далеко не всегда завершались успехом. Это касается как истории, политики и дипломатии, так и историографии. Как заметил Андре Моруа, “шотландцы – не англичане, отнюдь”¹²⁵, и страны их, невзирая на

---

¹²¹ *Barbour J. The Bruce. I, 225–240.*

¹²² “Мы за свободу всей [в оригинале “нашей” – Д.Ф.] страны / Восстать на бой принуждены” (*Ibid. XII, 247–248*); перевод мой. См. также: *Ibid. XII, 56–68; 200–206; 281–283 etc.*

¹²³ Насчет ремарки моих оппонентов о моем описании миссии Бальдрета Биссета к папской курии в 1301 г. (*Федосов Д.Г. Рожденная в битвах. С. 274–275; Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 173*): довольно ясно, что под более достоверными доводами шотландской стороны я имею в виду не мифическое происхождение скоттов от дочери фараона, а ссылки на реальное положение в стране и “Кентерберийский отказ” короля Ричарда I Английского от претензий на суверенитет над Шотландией.

¹²⁴ *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 153.*

¹²⁵ *Моруа А. Жизнь Александра Флеминга. М., 1964. С. 8.*

соседство, весьма несхожи. Если бы первый большой печатный опыт С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук в истории независимой Шотландии отличался высоким научным уровнем, я бы первый это признал, как в ряде других случаев с трудами не столь уж малочисленных коллег-“шотландцев” – Г.И. Зверевой (первопроходец шотландской истории в нашей стране, она даже не упоминается моими оппонентами), Г.Ю. Магакова, В.Ю. Апрыщенко, О.Я. Ноздрин, К.Н. Станкова¹²⁶. И мои принципиальные возражения вызваны вовсе не мнимыми “личными счетами” и не тем, что петербургские коллеги обратились к средневековой Шотландии (на этой ниве места предостаточно), а единственно тем, как это сделано в их монографии. Не вина рецензента, что авторы выпустили в свет всерьез не обсужденную¹²⁷ и весьма небрежно вычитанную работу, которая изобилует фактическими ошибками и отличается бессистемной передачей иноязычных имен; где по целым главам почти не привлекаются первоисточники и, следовательно, утверждения и выводы мало обоснованы, а порой совершенно голословны. Мои оппоненты по большей части или полностью игнорируют важнейшие документы истории Шотландии как внутреннего, так и внешнего происхождения, и на столь зыбком “фундаменте” притязают на опровержение ведущих шотландских историков. Потому и странно слышать от них упреки в “самонадеянности и неосмотрительности”¹²⁸.

С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук завершают свой ответ на мою критику громким постулатом “медиевисты могут всё”, имея в виду, вероятно, самих себя. Я не меньше кого-либо из собратьев и сестер по гильдии горжусь моим призванием и привержен моим Векам и Странам, но не признаю всемогущества ни за одним историком, включая величайших, не говоря уже о себе или (прошу прощения) об оппонентах. Медиевисты способны на многое, но только, помимо природного дара и образования, при соблюдении ряда неперемных условий, прежде всего, убедительного доказательства своих взглядов посредством документов и других памятников эпохи. Историография – необходимая, но далеко не достаточная часть нашей профессии, и история, пренебрегающая источниками, вряд ли оправдывает свое имя. Хотя и донныне случается, что “недостаток конкретного...

---

¹²⁶ Зверева Г.И. История Шотландии. М., 1987; Магаков Г.Ю. Отношения между Шотландией и Англией в конце XVI – начале XVII вв. Кандидатская диссертация. 1986; Ноздрин О.Я. Шотландцы в России конца XV – начала XVIII веков. Кандидатская диссертация. 2001 (ему же принадлежит ряд ярких статей по российско-шотландским связям); Станков К.Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов 1685–1701. СПб., 2014; Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб., 2016.

¹²⁷ Книга моих оппонентов, по их словам, многим обязана дискуссиям с собственными студентами, однако не проходила обсуждения на их кафедре Истории Средних Веков Санкт-Петербургского Университета. Оба рецензента “Средневековой Шотландии”, при всем уважении к их заслугам в своих сферах, имеют отдаленное отношение к Шотландии, не являются медиевистами и принадлежат к тому же научному учреждению (СПбГУ), что и авторы, – то есть, внешнего отзыва издание не получило.

¹²⁸ Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. О средневековой Шотландии и не только... С. 155.

материала, тем не менее, компенсируется пространным теоретизированием”¹²⁹, – правда, это справедливое суждение моих оппонентов произнесено по другому адресу.

БИБЛИОГРАФИЯ

The Acts of Robert I, King of Scots. Ed. A.A.M. Duncan. Edinburgh, 1988 (Regesta Regum Scottorum. Vol. V).

Ammianus Marcellinus. Res Gestae. 3 vols. L. & Cambridge, Mass., MCMXXXV.

Anglo-Scottish Relations, 1174–1328. Ed. E.L.G. Stones. Oxford, 1970.

Barbour J. The Bruce. Ed. A.A.M. Duncan. Edinburgh, 2007.

Barron E.M. The Scottish War of Independence. 2nd edn. Inverness, 1934.

Barrow G.W.S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland. Edinburgh, 2013.

Barrow G.W.S. Robert Bruce and the Scottish Identity. Edinburgh, 1984.

Barrow G.W.S. The Kingdom of the Scots. 2nd edn. Edinburgh, 2003.

Bower W. Scotichronicon. Ed. D.E.R. Watt & others. 9 vols. Edinburgh & Aberdeen, 1987–1998.

Broun D. Scottish Independence and the Idea of Britain. From the Picts to Alexander III. Edinburgh, 2007.

Brown M. The Wars of Scotland, 1214–1371. Edinburgh, 2004.

Campbell N. & Smellie R.M.S. The Royal Society of Edinburgh (1783–1983). The First Two Hundred Years. Edinburgh, 1983.

Carver M. Portmahomack: Monastery of the Picts. Edinburgh, 2008.

The Declaration of Arbroath: History, Significance, Setting. Ed. G.W.S. Barrow. Edinburgh, 2003.

Documents Illustrative of Sir William Wallace, His Life and Times. Ed. J. Stevenson. Maitland Club. Edinburgh, 1841.

Donaldson G. “A Lang Pedigree”. Scottish Historical Review, LXV, 1986.

Dumville D.N. Saint Patrick. Woodbridge, 1999.

Duncan A.A.M. “The Community of the Realm of Scotland and Robert Bruce – a Review”. Scottish Historical Review. Vol. XLV, 1966.

Duncan A.A.M. The Kingship of the Scots, 842–1292: Succession and Independence. Edinburgh, 2016.

Duncan A.A.M. Scotland: The Making of the Kingdom. Edinburgh, 1978.

XII Panegyrici Latini. Lipsiae, 1874.

Early Sources of Scottish History, 500–1286. Ed. A.O. Anderson. 2 vols. Edinburgh, 1922.

Fisher A. William Wallace. Edinburgh, 2002.

Fordun J. Chronica Gentis Scotorum. Ed. W.F. Skene. 2 vols. Edinburgh, 1871–1872.

---

¹²⁹ Там же. С. 163.

Forsyth K. Language in Pictland: the case against ‘non-Indo-European Pictish’. Utrecht, 1997.

Fraser I. The Pictish Symbol Stones of Scotland, Edinburgh, 2008.

Fraser J.E. From Caledonia to Pictland. Scotland to 795. Edinburgh, 2014.

Harden J. The Picts. Including Guides to St. Vigean's Museum and Meikle Museum. Historic Scotland, 2017.

Henderson G. & Henderson I. The Art of the Picts: Sculpture and Metalwork in Early Medieval Scotland. L., 2004.

An Historical Atlas of Scotland c. 400 – c. 1600. Ed. P. McNeill & R. Nicholson. St. Andrews, 1980.

The History of Scottish Literature. Vol. 1. Origins to 1660. Ed. R.D.S. Jack. Aberdeen, 1988.

The History of Scottish Literature. Vol. 2. 1660–1800. Ed. A. Hook. Aberdeen, 1987.

The History of Scottish Literature. Vol. 3. Nineteenth Century. Ed. D. Gifford. Aberdeen, 1988.

Hunter F. Beyond the Edge of the Empire: Caledonians, Picts and Romans. Rosemarkie, 2007.

In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Ed. C.E.V. Nixon & B.S. Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1994.

Konstam A. Strongholds of the Picts: The Fortifications of Dark Age Scotland. Oxford, 2010.

Nicholson R. Scotland: The Later Middle Ages. Edinburgh, 1978.

Oram R. Domination and Lordship. Scotland 1070–1230. Edinburgh, 2011.

The Original Chronicle of Andrew of Wyntoun. Ed. F.J. Amours. 6 vols. Edinburgh, 1908–1914.

The Oxford Companion to Scottish History. Ed. M. Lynch. Oxford, 2007.

The Records of the Parliaments of Scotland to 1707. Ed. K.M. Brown & others. St. Andrews, 2007–2012. (<http://www.rps.ac.uk/>)

Registrum Magni Sigilli Regum Scotorum. Ed. J.M. Thomson. Vol. I. Edinburgh–L., 1984.

Robertson W. The History of Scotland, during the Reigns of Queen Mary and of King James VI till his Accession to the Crown of England. With a review of the Scotch History previous to that Period. 2 vols. L., 1759.

The St Andrews Sarcophagus: A Pictish Masterpiece and its International Connections. Ed. S.M. Foster. Dublin, 1998.

Scotland: A Concise Cultural History. Ed. P.H. Scott. Edinburgh & L., 1993.

Scott W., Sir. The History of Scotland. 2 vols. L., 1829–1830.

“The Scottish Chronicle”. Scottish Historical Review, Vol. LXXVII, 1998.

Sharp L.S. “Charles Mackie, the First Professor of History at Edinburgh University”. Scottish Historical Review, Vol. XLI, 1962.

Tytler P.F. History of Scotland. 9 vols. Edinburgh, 1828–1843.

The Wallace Book. Ed. E.J. Cowan. Edinburgh, 2007.

Watt D.E.R. “A National Treasure? The *Scotichronicon* of Walter Bower”. Scottish Historical Review. Vol. LXXVI, 1997.

Womersley D.J. “The Historical Writings of William Robertson”. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 47, No. 3, 1986.

Wolf A. *From Pictland to Alba. 789–1070*. Edinburgh, 2014.

The Worm, the Germ and the Thorn. Pictish and Related Studies Presented to Isabel Henderson. Balcavies, Angus, 1997.

© Д.Г. Федосов. *Средние Века*. № 79 (3). 2018. С. 196–231.